

A close-up, high-contrast portrait of a man with a dark beard and intense, light-colored eyes. The lighting is dramatic, with deep shadows on the left side of his face and forehead. The background is dark and indistinct.

**МАРИЯ
ЗЯЎЦЕВА**

**ЛЮБОВЬ
НОСОРОГА**

Мария Зайцева

Любовь Носорога

Серия «Вселенная носорога»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68005715
2022

Аннотация

Он смотрел на меня. Молча. В упор.

Взгляд его жестких, черных глаз был очень... Настойчивым.

Лифт шел вниз, медленно, я жалась в угол, не смея отвести глаз от его жесткого непроницаемого лица.

Паша Носорог задумчиво оглаживал мою замершую в испуге фигуру внимательным взглядом, словно решая, что делать со мной дальше.

И, кажется, вариантов у него был вагон с прицепом...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Зайцева

Любовь Носорога

Глава 1

*«У носорога слабое зрение, но при его габаритах – это уже не его проблема»
(взято на просторах интернета)*

– Не, Колян, не та... Там такая... Мммм... – Молодой парень в форме охранника мечтательно закатил глаза и причмокнул губами, не находя слов для описания.

Его напарник, отрываясь от мониторов, на которых, ввиду позднего часа и окончания рабочего дня в восемнадцать ноль-ноль, не происходило ровным счетом ничего, насмешливо посмотрел на говорившего:

– И чего? И с чего ты взял, что она на тебя запала? Ты, Митек, простой охранник. Тебя никто в упор не видит.

– А она увидела! – взвился Митек, обиженно поджимая губы, – и улыбнулась! И вообще, я не охранник, я секьюрити! С правом ношения оружия!

– Ага, – заржал его собеседник, очень обидно и громко, – секьюрити, бля... Иди оружие свое протри, а то запылилось!

При этом он выразительно глянул на выдавшую виды ду-бинку, за ненадобностью давно уже валявшуюся на продав-

ленном диване комнаты наблюдения.

– Да пошел ты, – Митек отвернулся, решив больше не разговаривать с ехидным напарником, и устался на мониторах.

Минут пять прошло в молчании. Но затем активный парень, совершенно не умеющий долго злиться и находиться в тишине, что, вообще-то не есть хорошо для его специальности, опять хмыкнул.

– Слушай, а чего на директорском уровне не поставили камеры?

– А с чего ты взял, что не поставили?

– Ну, у нас нет их картинки.

– А нам и не надо. Меньше знаешь, крепче спишь.

– А...

– И вообще, нехер лишние вопросы задавать. Ты здесь недавно, пока не нарвался. У Носорога крутая служба охраны. Они и имеют доступ к камерам. Везде. И у нас в том числе.

– Носорог? – Митек удивленно выпучил глаза.

Его напарник со вздохом оглядел парня:

– Тебе сколько лет? Здешний?

– Двадцать... Нет... Год назад приехал...

– Понятно. Не в курсе, значит... У нас здесь даже пацаны десятилетние знают, кто такой Носорог.

– Да кто это вообще?

– Это, бля, Колосов Павел Сергеевич. Это имя тебе зна-

комо, надеюсь? На кого работаешь, в курсе?

– А почему Носорог?

– А потому что здоровенный, прет напролом и боли не чувствует. И не остановить его нихера. Ничем. Вообще. Крутой боец был. На ринге всех укладывал. Ну неужели не слышал? Паша Носорог?

– Нет... И чего, бывший спортсмен, что ли? Откуда столько бабок?

– А это не твое дело, щенок. И не трепись. Я зря вообще рот раскрыл...

– Да ладно, ты че! Я никому!

– Ага...

Митек еще попытался порасспрашивать про страшного Носорога, но напарник молчал, уже, наверно, сожалея о своей откровенности.

Тогда стажер опять обиделся и тоже замолчал.

Время смены тянулось медленно, камеры не показывали ничего интересного, огромный, самый дорогой и современный бизнес-центр в их областном городе, был погружен в тишину.

Поэтому внезапное движение на пятом этаже, где заседала бухгалтерия холдинга, которому и принадлежал этот бизнес-центр, привлекло внимание сразу.

Митек какое-то время наблюдал за светловолосой женщиной, сначала купившей кофе в автомате и затем нажавшей кнопку вызова лифта, а потом удивленно пробормотал:

– Бля, и чего им дома не сидится? На три часа задержалась на работе.

– Значит, надо так. – Отрезал его напарник сухо, пресекая всякие дальнейшие разговоры, – говорю тебе в последний раз, нехер задавать лишние вопросы. И вообще болтать.

Митек опять обидчиво поджал губы, наблюдая за женщиной, устало облокотившейся на стену возле лифта и медленно прихлебывающей кофе. Лица ее не было видно, только светлые короткие волосы в небрежной укладке и вполне симпатичную фигурку, сейчас выражающую полную выжатость. Наверно, много работы, сидела у монитора, без конца сверяя свои многочисленные таблицы и ломая глаза.

Лифт открылся, женщина, не поднимая головы, шагнула внутрь.

Затем кабина поехала наверх. Наверно, кто-то еще был в здании так поздно, и вызвал лифт. Митек удивился, что и на директорском этаже тоже есть сумасшедшие, кому неймется поработать сверхурочно.

А потом, когда едущий уже вниз лифт внезапно остановился между этажами, охранник удивился. Застрали что ли? Но вызова не поступало, а камер там тоже не было установлено. Или были, но выходили не к ним в охранку.

Митек оглянулся на напарника, думая, спрашивать ли о странности с лифтом, но наткнулся на угрюмое лицо и решил пока не лезть. И так чего-то недоволен мужик, шугается всего на свете. Ну подумаешь, спросил про Носорога! Тоже

мне, секрет секретный. Да пошел он!

Лифт стоял уже пять минут. Митек ерзал. Потом не выдержал все-таки:

– Коль, глянь, че такое? Лифт, похоже, застрял. А там баба из бухгалтерии. Может, от страха в обморок грохнулась? Она вообще какая-то хиленькая, словно жевали ее и не дожевали...

Коля посмотрел по камерам, потом вздохнул:

– Одна она что ли?

– Да не понял я... Лифт наверх шел еще, может, там кого-то из дирекции подхватил...

– Ладно. Ждем еще пять минут, потом пойдем проверим.

– А вдруг ей там плохо? Сердечный приступ или еще что...

– А вдруг она вышла просто наверху, а лифт пошел вниз? Сам? Тогда это не наша печаль, ее служба Носорога прихватит.

Они еще немного попрепирались, решая, как поступить, потому что комнату охраны покидать можно было только в крайнем случае, а во всех остальных – оставаться на месте и вызывать специальную службу. Пока спорили, лифт опять пошел вниз. И мимо них, на подземную парковку.

Охранники замолчали, напряженно глядя в мониторы, ожидая, когда двери раскроются.

Лифт остановился. Раскрыл двери, выпуская двоих пассажиров. Мужчину и женщину.

Мужчина, темноволосый, коротко стриженный, очень крепкий и широкоплечий, остановился, доставая сигареты. Женщина, чей локоть он выпустил для того, чтоб подкурить, неуверенно сделала шаг назад. В сторону от него.

Мужчина убрал сигареты, сделал пару глубоких затяжек, не отводя взгляда от светловолосой спутницы, в которой Митек узнал ту самую бухгалтершу, что заходила в лифт, устало опустив плечи. Правда, теперь во всей ее фигуре явственно сквозило напряжение. И желание оказаться подальше от мужчины. Который отбросил прочь окурок и, шагнув к ней, резко дернул к себе за талию, прижал и грубо поцеловал. Женщина слабо уперла руки в его широкие плечи, Митек, задержав дыхание, прилизил на максимальную и увидел, как тонкие пальцы сжали ткань дорогого пиджака, словно пытаясь оттолкнуть, а затем бессильно опали вдоль тела, а сама женщина покорно застыла, позволяя мужчине жадно целовать ее губы, щеки, шею, порывисто дергать ворот кофточки, добираясь до плеча, поразившего Митька в полутьме парковки своей белизной и нежностью кожи, очевидной даже через объектив камер.

Заметно было, что она в ступоре, в шоке, замедленно, но отвечает на грубые ласки мужчины, подчиняется его напору. Вот руки поднялись и сами легли на плечи, опять сминая пиджак, вот тело прильнуло теснее, делая объятия еще откровеннее, и Митьку стало внезапно жарко. Нереально жарко, как не от всякого просмотра порнушки бывало. Этот поце-

луй, с одной стороны грубый, практически насильственный, а с другой стороны невероятно горячий, покоряющий именно своей дикой животной стороной, возбуждал даже его, стороннего наблюдателя. А что же происходило в таком случае между теми, за кем они наблюдали так жадно, затаив дыхание?

Неизвестно, сколько бы Митек наблюдал за ними, открыв рот, но тут рядом отмер его напарник, выругавшись тоскливо и грязно.

Митек не понял таких эмоций, повернулся, чтоб сказать, что знает эту бабу, но Коля опередил:

– Сууука... – простонал он, не отрывая взгляда от монитора, где мужчина все еще никак не мог оторваться от беспомощной женщины, опять целуя ее в губы, долгим жарким поцелуем, полностью укрыв хрупкую фигуру своим крепким телом, так, что охранникам в камеру виднелись только светлая макушка и поднявшиеся на цыпочки ноги в узкой офисной юбке, – Носорог... Нам пиздец...

– Кто? – Митек пропустил мимо ушей последнюю фразу, жадно разглядывая парочку, – это Паша Носорог? Это он? А она тогда кто? Его баба?

– Не знаю, кто она. И знать не хочу. Бля. Попали мы с тобой, Митек. Попали.

Коля без сил повалился в кресло, уже без интереса, с ненавистью разглядывая целующихся на парковке людей, перевел взгляд на напарника, еще ничего не вкулившего по мо-

лодости и глупости:

– Это Носорог. И нам пиздец. Ты слышишь меня? Мы не должны были этого видеть.

– А че такова? – не понял Митек, – ну баба, ну выебет он ее щас на парковке... Стой! Надо запись сохранить! Потом в сеть выложу! Прикинь, сколько просмотров соберу?

– Дебил, – Коля покачал головой, прекрасно понимая, что работает здесь последний день, и никак не препятствуя напарнику. Все равно не успеет.

Тут на парковке Носорог оторвался от своей женщины, и, резко развернувшись, в упор глянул прямо в объектив следившей за ними камеры. Так глянул, что Митек почувствовал внезапную слабость в ногах и порадовался, что их разделяет целый этаж. Потому что даже через камеру взгляд бил, как кулак, прямо в грудь. И сердце останавливалось. И дыхание перехватывало.

– Нихера себе... Вот это он смотрит... Не удивлюсь, если баба в коме вообще... И так, в коме, перед ним ноги и раздвинет...

– Заткнись, дебил. Не усугубляй. – Коля покосился на монитор, где Носорог уже шел к машине, прихватив за локоть вяло перебирающую ногами женщину и другой рукой прижимая к уху сотовый.

– Да ты че? Испугался что ли? – Митек активно шерудил на пульте, копируя запись, – щас... Щас...

– Не делай этого, дурак, – Коля, впрочем, даже не поше-

велился, чтоб остановить, словно потеряв интерес ко всему происходящему, – хуже будет...

– Да че будет-то?

Коля достал из шкафа бутылку водки и хлебнул прямо из горла. Разговаривать с напарником больше смысла не было.

– Это, бля, кто еще? – удивленно вылутился на промелькнувшие темные фигуры Митек, отвлекаясь от записи, которую уже успел перекачать себе на телефон в нарушение всех инструкций. – Это как они прошли? И куда?

– К нам, дебила кусок, – Коля рассмеялся пьяно и отшвырнул пустую бутылку в угол, – встречай!

Митек не успел ничего ответить, потому что в этот момент дверь охранки, запертая изнутри на серьезный такой замок, распахнулась...

На следующее утро, вызванная ночью по тревоге сменная охрана долго обсуждала дебилов-напарников, нажравшихся на рабочем месте паленой водки и угодивших в реанимацию. Как они умудрились при этом ноги-руки поломать и сотрясы получить, вообще непонятно... Теперь не скоро выпишутся. А когда выйдут, то ни в одно приличное место в городе их не возьмут с такой-то репутацией. Но другим пример. Нельзя пить на рабочем месте, нарушая внутренний распорядок и трудовой кодекс.

Глава 2

Ворота здоровенного особняка, перед которыми я переминалась уже минуту, поглядывая просительно в камеру внешнего наблюдения, были шикарными. Коваными, красивыми такими. Как и все здесь.

Я, правда, особо не успела рассмотреть, да и сейчас не горела желанием. И не видеть бы никогда. Великолепия этого. А, особенно, его бешеного хозяина.

Но, тут уж ничего не поделаешь. Попала, блин.

Я порылась в сумочке, прикурила, поежилась от свежего воздуха. Не готова я все же к забегу на короткие и уж тем более длинные дистанции.

Каблуки, узкая юбка, короткая летняя куртешка.

А, похоже, придется. Если ворота сейчас не откроют, буду штурмом брать. Как солдаты Зимний дворец. Прямо вот по этим кованным цветочкам и полезу.

Я затянулась еще раз, глубоко, чувствуя легкую дурноту. С непривычки закружилась голова. Бросила я пару лет назад, когда дороговато стало удовольствие. Но дежурную пачку в сумке имела. На всякий крайний случай. Вот он и наступил. Крайнее не бывает. Дальше только шаг. За край.

Или я его уже сделала?

Топнула ногой. Опять глянула в объектив, уже требовательно.

Ну давай, мужик, давай...

Не будешь же ты из-за такой мелочи, как я, беспокоить хозяина? Он явно не любит, когда его тревожат. Особенно после ночи бессонной.

Тут сразу припомнилось, как спешно одевалась, поглядывая на раскинувшего мощные татуированные руки на всю ширину кровати, мужчину, как старалась не шуметь, разыскивая разбросанные туфли и кладя хер на нижнее белье, все равно не пригодно к носке, плевать, пусть сувенир ему остается, как на цыпочках выходила, даже не рискуя прощальный взгляд бросить...

Чтоб не почувствовал, не проснулся... Потому что в этом случае рисковала очень сильно еще неизвестно насколько в его особняке подзадержаться. А мне домой. У меня Ленка уже, наверно, проснулась. И теперь в засаде сидит. Я б тоже сидела, после вчерашней моей смс, о том, что дома не ночую и ложись спать.

Сеструля в курсе, что для меня это поведение совершенно нехарактерное. Поэтому и ждет. И надо еще ей что-то говорить. И еще придумать причину, по которой я из «Стройинвеста» увольняюсь.

И чтоб правдоподобно.

Конечно, можно сказать правду. Но это мало относится к категории реальности.

Ни в какой реальности потому что такие, как мой сегодняшний любовник, не обращают внимание на таких, как я.

Ни в одной. Ну, кроме сказок, конечно. Но это вообще не мой вариант, опять-таки.

Я и сама не верю.

До сих пор.

Несмотря на отчетливую ломоту послесексовую во всем теле, на натертые щеки, истерзанные губы, веник на голове и синяки на запястьях, короче говоря, на все материальные подтверждения.

Мозг не воспринимает.

Как вот перестал еще вчера функционировать, так до сих пор в себя и не пришел.

Ровно с того самого момента в коме, как я в лифте Пашу Носорога увидела.

И обалдела.

Нет, то, что я на него работаю, как и все остальные в этом здании, я прекрасно знала, не настолько уж беспросветная дура.

Но за три года работы видела я его ровно два раза.

Причем, первый раз вообще издалека.

Я как раз только месяц как устроилась, тащила какие-то бумаги, и на первом этаже услышала низкий такой, хриплый, носорожий рев. Испугалась, подпрыгнула, чуть не растеряв папки, глянула на источник шума, как раз заходящий в лифт вместе со своими, порядком сбледнувшими с лица, подчиненными.

Паша говорил по телефону, и из цензурных в его речи бы-

ли только междометия.

На тот момент для меня, дочери филолога и инженера, людей высокоинтеллектуальных, это было шоком. Я, открыв рот, смотрела, как Паша, высокий, очень крепкий мужчина, с короткой стрижкой и злым, недовольным лицом, заходит в лифт, продолжая рычать на кого-то по телефону так, что у всех присутствующих, включая меня, в буквальном смысле рукотрясение начиналось.

А потом он неожиданно поймал мой взгляд. И вот тут я внезапно поняла, почему он Носорог. Нет, не из-за каких-то там побед на ринге, или стиля ведения бизнеса. Нет. По его взгляду было ясно любому, что у человека стопарей нет. Просто отсутствуют. И, скорее всего, задней скорости тоже. Он смотрел, словно... Ну не знаю, сразу ударял. Прямо в сердце куда-то. Заставляя все внутренние органы сжиматься и прятаться друг за друга. Только чтоб не зацепило. Только чтоб пронесло. Потому что это реально было... Даже не страшно. А вот просто... Давяще. Жестко. И, черт, да! Страшно. Очень страшно. Я представила, как он таким вот взглядом упирается в оппонентов на встречах, переговорах, там, всяких... И поняла, откуда успехи в бизнесе. Сложно сказать «нет» человеку с таким взглядом, не рискуя в следующее мгновение не нарваться. На что угодно. Без предсказуемых вариантов.

Тут двери лифта захлопнулись, и все в фойе дружно выдохнули. Да, Паша так действовал абсолютно на каждого.

Я тогда так перепугалась, что даже сомневалась, стоит ли мне здесь работать. Когда такой зверь всего лишь через десять этажей от меня.

Но на тот момент лучше работы в городе не находилось, а на руках у меня была сестра-подросток в самом расцвете переходного возраста со всеми сопутствующими этому прелестями. Поэтому я отбросила в сторону ненужные страхи.

Ну, в самом деле, что за глупости? Какое дело такому, как Паша Носорог, до скромной бухгалтерши, мирно ведущей кдп многочисленных предприятий его холдинга? Да никакого. Мы и не встретимся никогда больше.

Я осталась работать и какое-то время тихо радовалась своей удаче. А особенно, когда зарплату начала получать. Хорошую. Белую! Это такая редкость для нашего города!

Время шло, я работала, постигая подводные камни профессии. Хотя чего там постигать, когда основной подводный камень был прямо на поверхности. Не подводный, короче говоря.

Мое начальство, главный бухгалтер холдинга, Максим Юрьевич, поначалу очаровавший меня своими интеллигентными манерами и внешностью доброго плюшевого коалы, после полугодового приглядывания, проявил свою скользкую сущность. Знаете, есть такие камни в реке, валуны, внешне крепкие, а встанешь – и поскользнешься. И унесет тебя течением. Вот примерно так меня и понесло.

Потому что Максим Юрьевич, несмотря на семейное по-

ложение и наличие троих детей, оказался тем еще блядуном, переимевшим всех своих подчиненных, кроме, пожалуй, Валентины Степановны, женщины преклонных лет, мирно сидящей на первичке. Да и насчет нее я была не до конца уверена...

Ко мне он подкрадывался, как кот, на мягких лапах, а когда подкрался, наконец, и обозначил свои намерения, получил по физиономии жесткой папкой с личными делами строителей. А было их там примерно под четыре сотни. Увесистая такая папка...

После этого на меня обиделись. Решили, что я неблагодарная тварь и мерзавка. Но не увольняли. Потому что я повода не давала, поймав вкус хороших и, самое главное, так необходимых мне на тот момент денег. Но и ответочку я получила по полной, конечно же.

Теперь все участки уходящих на больничный, в отпуска и декрет, автоматически переходили мне. Ну а чего бы и нет? Ротация кадров, взаимозаменяемость и прочие лозунги корпоративной жизни. Не хочешь – вали. Я не хотела. Но уходить было некуда. На тот момент я успела влезть в ипотеку, Ленка заканчивала школу, и ценник за выпускной вывалили конский.

Короче говоря, я сцепила зубы и впряглась. Оставалась после работы, потому что не успевала ничего, а руководитель очень любил вызвать меня на ковер и долго иметь в мозг, раз уж другие части тела были ему недоступны.

Работа превратилась в каторгу. Правда, платили по-прежнему хорошо. Даже и без сверхурочных, мне положенных, но не оплачиваемых.

Уставала, конечно, адски, Ленка добавляла веселья, прямо на глазах превратившись из неуправляемого подростка в неуправляемую дрянь, с модельным ростом и внешностью. И такими же запросами.

Я проводила долгие воспитательные беседы, несколько раз с применением подручных средств, потяжелее, а затем махнула рукой. Своя голова на плечах. А у меня уже сил нет. Сунула коробку с презервативами и выпинула в жизнь. Сестра удивилась и обиделась. И ушла. Шлялась где-то две недели, а затем вернулась домой. Тихая такая, спокойная. Я поприглядывалась немного, не залезая в душу, но и не закрывая глаза. Особенно хотелось выяснить, не поменяется ли фигура месяцев через несколько.

Но нет. Похоже, пригодились презервативы.

Так и жили.

Я – пропадала на работе, стиснув зубы, и особо не строя далекоидущих планов, потому что двадцать лет ипотеки и так уже все очень четко за меня спланировали. Ленка – делала вид, что учится, продолжая лазить где-то по ночам, но уже по-тихому, без фейерверков.

И, пожалуй, это было самое спокойное время в моей жизни, после смерти родителей.

И так бы и продолжалось, если бы мне и дальше везло.

А вот не повезло.

Глава 3

С Носорогом я столкнулась второй раз примерно месяц назад.

Какого черта Биг Босс спустился со своих эмпирей к нам на пятый этаж, и что такого он хотел сказать главбуху лично, не дожидаясь, пока тот принесет свой толстый зад на пятнадцатый, не знаю.

Я как раз выходила из его кабинета, обрадованная дополнительным участком ушедшей на больничный коллеги и уныло прикидывала, сколько часов сверхурочно мне еще придется здесь просидеть, когда уткнулась лицом во что-то твердое и нереально приятно пахнущее. Прижала к себе папки с документами покрепче, подняла взгляд из-под компьютерных очков.

Мама дорогая! Носорог! Стоит! Смотрит! Стрррашно!!!

Ноги сами подкосились, я дрогнула на каблуках, и Паша придержал меня за локти, чуть прижав к себе. И глядя. Неотрывно глядя на меня! Ужас какой! А я и застыла, как мушка в янтаре, глупая, под этим его черным взглядом, не могла глаз отвести и не моргала даже, кажется. Не знаю, был ли открыт рот, не помню, истерся это ужасный момент из головы, но, наверно да. И, скорее всего, вид у меня был на редкость идиотский. По крайней мере, Паша смотрел странно. Я не уверена, что удивленно, потому что эмоции на его ли-

це прочесть было невозможно. Но явно с каким-то... Выражением. Я хлопнула губами, пытаясь что-то выдать, хотя бы «здрате» сказать, а меня уже отстранили, как табуретку, с пути убрали, и только дверь кабинета хлопнула.

А через секунду раздался оттуда такой матерный рев, что я, разом опомнившись и ощутив резвость в ногах, пискнула и понеслась прочь, словно за мной черт гнался. Или носорог.

И потом до конца рабочего дня не могла из головы выбросить своего работодателя. Его суровое жесткое лицо, крепкий захват железных пальцев на моих локтях, терпкий аромат парфюма. Черный жестокий неулыбчивый взгляд. И тело отзывалось на мои мысли неконтролируемой дрожью. Ужаса, скорее всего.

Но потом я успокоилась, и гора работы, а особенно, неожиданный привод в полицию моей бешеной сестрички, нажавшейся в общественном месте и плюнувшей полицейскому на фуражку, этому очень сильно способствовали. Нашлись более приземленные причины для волнения. А всякую эфемерную чушь, вроде замораживающе ужасных глаз своего работодателя, я выкинула из головы.

Да и было бы, о чем вспоминать...

Он-то, судя по реакции, вернее, ее отсутствию, явно обо мне забыл ровно в ту же секунду, что и взгляд отвел...

И это хорошо. Очень хорошо. Как часто цитировала мама: «Храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»... Не помню, откуда это, но вот вообще ничего не

изменилось с тех пор.

Не надо и гнева барского. И любви.

Вот поэтому я и впала в ступор вчера, когда лифт внезапно поехал вверх, явно самостоятельно оценив приоритетность вызова, чего раньше за ним не водилось, и в раскрывшиеся двери вошел Паша Носорог.

Глянул на меня мельком, но так, что я отшатнулась в угол, и так там и встала, унимая мелко подрагивающие коленки.

Черт, черт, черт!

Угораздило меня!

Кофе в моей руке был горячим, но я не чувствовала этого совершенно. Потому что, вопреки инстинкту самосохранения, не могла отвести глаз от как всегда мрачного и жесткого лица Носорога. Лихорадочно соображала, как теперь быть, что надо сказать. Ведь надо же? Надо что-то сказать? Хотя бы поздороваться? А как? Я же с ним не знакома? Хотя, опосредованно его знают все, кто работает здесь. В конце концов Паша – именно тот, кто платит... Если не поздороваюсь, вдруг воспримет, как неуважение?

Короче говоря, я нагнетала в себе панику со свехзвуковой скоростью и успела чуть ли не в обморок упасть, а двери еще даже захлопнуться не успели!

Паша был совершенно невозмутим, спокоен, и вроде бы даже и не смотрел на меня, и не ждал, скорее всего, ничего... И, может, не замечал совсем... А я уже успела мысленно провалиться прямо до первого этажа, прикинула, как буду

вставать на биржу труда после увольнения за нарушение корпоративной этики (какой? какой?), и сжать проклятый стаканчик до боли, не чувствуя, что обжигаюсь.

А потом Паша неожиданно провернул номер.

Он посмотрел на меня. Молча. В упор. С тем же непонятым выражением в глазах, что и месяц назад.

Я застыла. Даже коленки перестали дрожать. Пальцы обожженные на стаканчике заледенели. Сердце замерло. Вот реально, даже не стучало, как мне кажется, затихарившись от ужаса.

Взгляд его жестких, черных глаз был очень... Настоящим. И я не хотела узнавать то выражение, что клубилось на дне его зрачков. Но узнавала. Узнавала! И пугалась еще больше. Если до этого был просто ужас, то вот теперь, когда стало понятно, о чем он думает, глядя на меня, я поняла, что все, происходящее ранее, было так себе. Слабым отголоском наступающего тотального краха.

Или, как бы сказала моя бедовая сеструля, окончательно пиздеца.

Лифт шел вниз, отчего-то крайне медленно, до жути медленно, я жалась в угол, не смея отвести глаз от его жесткого непроницаемого лица, Паша Носорог задумчиво оглаживал мою замершую в испуге фигуру внимательным взглядом, словно решая, что делать со мной дальше. И, кажется, вариантов у него был вагон с прицепом.

Глава 4

Я, собрав все силы, решила все же перестать демонстрировать рабский ужас, и хотя бы сделать вид, что я человек, и попыталась отвернуться. Со скрипом. С постоянным ощущением того, что делаю что-то не то.

Но смогла. Удивительно просто! Лифт ехал. Взгляд мой, с трудом сместившись с Пашиного лица на кофе, там и застыл. Рука дрогнула, потому что мозг отмер и решил показать свою самостоятельность, скомандовав как можно более независимо отпить кофе из стаканчика.

А что? Отлично можно показать, что не чувствую онемения сразу во всех мышцах от его изучающего взгляда.

Я поднесла стаканчик к губам, взгляд напротив стал откровенно насмешливым. Ах ты ж! То, что он прекрасно меня понимает и просчитывает все мои мотивы, стало очевидным и постыдным открытием. Это что же, он всех так хорошо читает? Или у меня, у дурочки, просто все на лице написано?

Я не успела понять, какой вариант реальнее, когда лифт тряхнуло. Несильно, но основательно.

И стаканчик медленно, как в слоу мо, выпал из моих, поверивших в себя пальцев, полетел на пол... И усеял хромированную кабинку брызгами кофе.

И ладно бы кабинку! Пашиным джинсам тоже перепало! И туфлям, стильным, идеально начищенным, и, скорее все-

го, стоившим половину моего ипотечного жилья.

Я, скованная ужасом, просто не думала даже, что делаю. Сначала раскрыла рот, в ужасе наблюдая падение и его результаты, перевела взгляд на ботинки и джинсы работодателя, выше не посмела посмотреть, зная, что тут же умру от ужаса, а затем быстро достала дрожащими руками салфетки из сумки и, низко наклонив голову, опустилась на корточки, чтоб вытереть кофе, бормоча без остановки:

– О боже, простите, простите меня, я случайно, я не хотела, я сейчас все вытру, следов не останется, простите, простите...

Я вытирала капли кофе с джинсов, сердце замирало от ужаса, потому что видела, что следы остаются, кофе этот автоматный ядовитый, какой только химии там не льют, а джинсы дорогие, и ботинки еще дороже, и сама ситуация ужасная, как бы сказала Ленка, пиздец пиздецовый, ужас, ужас, пальцы дрожали, ноги подламливались, потому что на корточках неудобно, но я не сдавалась, склонившись, оттирая салфетками проклятый кофе и бормоча, бормоча, бормоча...

А потом внезапно подняла голову. Зачем? Зачем я это сделала? Не знаю. До сих пор не знаю. Боялась ведь, до жути, до обморока, а все равно посмотрела.

И опять застыла. Потому что Паша стоял молча, глядя на меня уже не так, как до этого. Хуже, гораздо хуже! Страшнее. Придавливая меня этим своим взглядом, как плитой бетон-

ной, и, даже если бы я решила сейчас подняться, то ничего не получилось бы.

А затем он приподнял меня за подбородок властным жестким движением. Наверно, подумал, что я хочу взгляд отве-сти.

Я хотела. Но не могла.

Я открыла рот, чтобы в очередной раз извиниться за загубленные джинсы и обувь, но Паша провел большим пальцем по моим разомкнувшимся губам, и чуть-чуть протолкнул палец внутрь. Я обомлела. Вот реально, даже не понимала, что происходит. Все мысли вынесло прочь. Только ужас остался. Сердце стукнуло отчетливо пару раз так сильно, что стало больно. И остановилось. И все вокруг остановилось. Не было медленно движущегося лифта, не было посторонних шумов, катающегося по полу стаканчика...

Ничего.

Только он и я.

Паша смотрел на меня, сводя с ума зрелищем быстро чернеющих, мутнеющих, обволакивающих глаз, мягко и аккуратно гладил большим пальцем по внутренней поверхности нижней губы, жестко придерживая подбородок, чтоб не вздумала отвернуться.

Но я и не думала. Отстраненно, с непреходящим, но уже таким знакомым, можно сказать, родным, ощущением бесконтрольного ужаса, заволокшего полностью сознание, осознавала, как от взгляда его, от скольжения пальца в моем рту,

от отражения нас в хромированных поверхностях и зеркалах лифта, становится жарко. Нет, не жарко. Это вообще не определение для того, что я испытывала в тот момент!

Это как сравнивать жар от печки и жар от вулкана, с текущей раскаленной лавой. В первом случае горячо, но не смертельно. А вот во втором. Смертельно.

Вот так и у меня было. Ощущение гибели, падения, туда, в жерло вулкана, в жерла его черных глаз, понимание, что сейчас происходит нечно ужасное и окончательное. То, после чего я не буду прежней.

Глава 5

Паша глухо выдохнул, пробормотал что-то еле слышно и нажал кнопку остановки лифта.

В тот момент, когда он на миллисекунду отвел взгляд, чтоб вырубить лифт, я немного очнулась и сделала попытку встать.

Но раздался низкий звериный рык:

– Стой как стоишь.

Он отразился эхом от стен лифта, заставляя прекратить любое движение.

Я застыла. Палец во рту немного нажал на нижнюю губу, раскрывая шире, проталкиваясь внутрь.

– Хорошая какая девочка... – его голос, тихий, спокойный, задумчивый какой-то, ударил по нервам сильнее, чем рычание до этого. Потому что в нем уже было понимание того, что будет дальше. Принятое окончательно решение о том, что он со мной сделает. И я никак на него повлиять не могла. Даже если бы и хотела.

Я была ошарашена и испугана настолько, что даже не думала ни о чем, воспринимая происходящее на чисто инстинктивном уровне, как животное. И реагируя так же.

Вот сейчас, например, глубинные, принесенные из каменного века инстинкты повелевали не шевелиться. И подчиняться. И тогда все будет хорошо.

Бугор в его джинсах, прямо напротив моего лица, был серьезным. Внушительным. Я, не понимая, не допуская в мозг ни одной мысли, чтоб от ужаса с ума не сойти, уже знала, что будет дальше. Так же, как и он. Это знание концентрированно воронкой окутывало нас в маленьком тесном помещении, не давая полноценно вздохнуть, прийти в себя от мора. Мне – выйти из оцепеняющего, давящего влияния Паши, ему – вернуться в нормальный мир, где женщина – не добыча, не самка, которую достаточно загнать в угол, чтоб поймать.

Наверно, мы оба оказались заложниками ситуации.

Именно так я впоследствии оправдывала свое бездействие. Непротивление.

И его действия. Его напор.

– Расстегни.

Я дрогнула, машинально смыкая губы и прикусывая его палец. За это меня наказали чуть более жестким хватом подбородка.

– Давай.

Голос стал еще тише и страшнее. Взгляд не отпускал меня ни на секунду, подчинял похлеще голоса. Он, наверно, мог бы и не говорить ничего. Не требовалось при такой тяжести, что давила меня, не позволяя даже начать думать.

Я протянула дрожащие пальцы и медленно расстегнула болты на джинсах.

Белья он не носил. И член, освобожденный от оков одеж-

ды, выглядел еще внушительнее, чем до этого угадывался. Я коротко выдохнула и нечаянно втянула ноздрями его терпкий запах. Не противный. Совсем нет. Просто непривычный, мужской.

Он уловил мой незаметный вдох, хищно дрогнул ноздрями, глаза стали еще темнее, тяжелее.

– Оближи.

И короткий перехват ладонью, за затылок. Предварительно вынимая палец. Освобождая мой рот. Для другой работы.

Я не могла ничего сказать. Может, если бы в голове появилась хотя бы одна мысль, то я бы попыталась. Честно, попыталась бы уклониться, разжалобить. Рассказать, например, что я не особо опытна в этом деле, что у меня за всю мою жизнь было только два парня, да и то давненько, еще до смерти родителей, и минет не входит в перечень моих постельных умений... Да много чего могла бы рассказать... Но мыслей не было. Совсем. А Паша был. Его запах был, его жажда была, его подчиняющий взгляд был. И короткий, совершенно однозначный нажим на затылок.

Я открыла рот и облизнула головку. И почувствовала, как он дрогнул. Крупно, всем телом. Выругался сквозь зубы. Еще раз надавил на затылок, приказывая действовать дальше.

Я сомкнула губы на члене и сделала первое пробное движение. Он сразу надавил сильнее, побуждая взять глубже. Я, чувствуя, что сейчас задохнусь, каким-то чудом умудрилась

расслабить горло и задышала носом, окончательно дурея от его запаха, теперь еще более сильного, возбужденного. Член скользнул глубже, мой мучитель вздрогнул еще раз, опять выругался. Приказ шепотом, гулким и страшным:

– Давай, девочка.

Я закрыла глаза и подчинилась. По сути, мне ничего делать не надо было, он все делал сам. Сам двигался, трахая меня в рот, не жестко, не грубо, но сильно, в одной, все нарастающей амплитуде, ладонь на моем затылке сжалась, собирая волосы в горсть, не давая возможности отклониться, отдышаться. Я подчинялась. Стояла на коленях перед ним, из сомкнутых глаз текли слезы, еле ловила вздохи между движениями, придерживала машинально его за пояс джинсов, в голове все плыло, и, казалось, что вот-вот потеряю сознание. От ужаса, от невозможности, ирреальности ситуации, от его напора, от своего подчинения.

– На меня смотри.

Голос, уже не тихий, с отчетливым рычанием, сбитым дыханием. Я открыла полные слез глаза, послушно глядя на него. И вздрагивая вместе с ним. Потому что настолько ярко, настолько мощно он транслировал свои эмоции, заставляя подключиться, заставляя ощущать отголоски его удовольствия. Мне было жарко, душно, плохо, тяжело, унижительно. И остро-горячо. Так остро, что бешено стучащее сердце, кажется, прорубало грудную клетку, выскакивая наружу. Насколько горячо, что тело пылало, я не могла дотронуться, так

обжигало. И когда, не сводя с него взгляда, повинуюсь всем движениям, безотчетно оторвала руку от его джинсов и провела по своей груди, то буквально ломануло судорогой, такой мучительно-тянущей, жестокой и горячей, что ноги сами расставились еще шире, поясница выгнулась, и слезы из глаз полились еще сильнее. Он увидел это. Увидел в моих распахнутых глазах, в моем напрягшемся теле, и, кажется, это послужило катализатором, потому что он сделал еще одно, очень резкое, движение и кончил. И держал меня, заставляя глотать.

И да, я не сопротивлялась и здесь.

Затем он отстранился, посмотрел на меня все еще бешеными глазами, в которых гуляли отголоски оргазма. Поправил одежду. Нажал кнопку запуска лифта.

Я не двигалась. Только голову опустила, вытирая измученные губы ладонью. И приходя в себя. Оглушающе быстро и жестко.

Ну что, Полина, пиздец?

Пиздец.

Без вариантов.

Я не ждала ничего. Вернее, нет. Ждала. Что откроются двери, он выйдет прочь. Не посмотрев на меня больше. А зачем смотреть на использованный презерватив? На проститутку, годную только для того, чтоб в рот спустить?

Хотя, какая я проститутка? Мне даже не заплатили. Из горла вырвался смешок. Сдавленный и хриплый. Я закры-

ла глаза, не двигаясь, не отслеживая больше его взгляд, его движения.

Похуй. Вот похуй, Полина, дочка очень интеллигентных родителей. Сейчас лифт приедет, он выйдет, а я останусь. И поеду наверх. Или не поеду. Вызывать-то некому, в здании, кроме охраны, никого. Значит, так и буду сидеть. Хорошо бы прямо здесь и сдохнуть. Не приходя в сознание.

Тут меня рывком подняли за плечи вверх, руки, жесткие и тяжелые, прошлись по талии, придвигая к крепкому горячему телу, подбородок опять попал к капкан цепких пальцев.

Глаза. Его глаза, такие же жгучие, острые, жесткие. Не презрительные. Не равнодушные. Внимательные. Оглядел мое запрокинутое лицо с дорожками слез на красных щеках, с распухшими губами.

Наклонился, целуя, глубоко и бесстыдно. Нисколько не заботясь о том, где был мой рот буквально полминуты назад, вылизывая, не заставляя отвечать, а, как и до этого, просто не оставляя шансов на неподчинение. Еще один секс. И тоже оральный. Только рот в рот.

Одной рукой прижал за талию, другой грубо полез под юбку, провел пальцами по белью, собирая неожиданную влагу стыдного возбуждения, заставляя вздрогнуть опять, ослабнуть в его объятиях, уже принимая все, что делает.

Оторвался от губ, посмотрел опять в глаза.

– Боишься?

Не смогла ответить. И кивнуть – тоже. Только намек, толь-

ко малюсенькое, безотчетное движение. Не головы. Тела.

Усмехнулся, а глаза-то по-прежнему дурные, чернушие, жесткие, шарят по лицу, не отпускают ни на секунду. Держат крепче, чем руки.

– Не бойся. Поздно уже.

Да, поздно... Это точно. Раньше надо было бояться. Когда в лифт заходила. Или еще раньше. Когда работать сюда пришла. А теперь и в самом деле поздно.

Двери распахнулись, выпуская нас на подземную парковку.

Носорог вывел меня за локоть, отпустил, прикуривая. Я, оглядываясь, безотчетно сделала шаг назад. Убежать хотела? Да нет, наверно. Просто воздух, пропитанный бетоном и машинами, странным образом немного освежил, снял вязкий, терпкий дурман секса, что витал в лифте. Я по-прежнему ничего не понимала, не соображала, что делать дальше, как себя вести. И мозги вообще не хотели включаться. Только тело командовало, врубая инстинкт самосохранения. Подальше. Немного подальше. Поздновато, конечно, но хоть так.

Но Паша, сразу оценив мое состояние, не дал прийти в чувство, опять дергая на себя и целуя. Уже жестче, уже грубее, уже напористей.

И все. И опять я потеряла себя полностью в его руках. Сначала просто подчиняясь, а затем... А затем отвечая. Слабо и тихо, но ему и этого хватило, чтоб сойти с ума и начать терзать мое тело своими губами, исцеловывая щеки, скулы,

шею, дергая ворот блузки, чтоб добраться до плеча. Каждое касание – как ожог, как удар, как укус! Он словно сжирал меня заживо, не оставляя шансов на осмысление, спасение от его напора, от его страсти.

Никакой воли, никакой возможности не ответить...

И, даже если бы он захотел меня прямо тут, на парковке, поймать, я бы явно не смогла оттолкнуть.

Он сам остановился. Коротко глянул через плечо, хмыкнул и потащил меня за локоть к машине, черному, навороченному до невозможности внедорожнику, навевающему смутные воспоминания о том времени, когда похожие на эту машины разъезжали по нашему городу, возя новых хозяев этой жизни. Потом сменились хозяева. И машины.

Но Паша, похоже, этот момент пропустил. Потому что его корабль, хоть и был последней модели, но формами остался верен прошлому.

По пути Носорог набрал достал трубку и рявкнул негромко и повелительно:

– Охрана центра, камера парковки, решить вопрос.

Я, не особо соображая, просто фиксировала в памяти происходящее.

Вот мы в машине, Паша садится за руль, выезжает с парковки, опять закуривает.

Я сижу на соседнем сиденье, плотно сжав коленки и глядя перед собой. Не спрашиваю, куда едем. Все равно не смогу скорректировать маршрут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.